

УДК 94(470.2)16/17 (045)

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НИКОНОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории факультета истории и социальных наук, Мурманский государственный педагогический университет
snikonov-77@mail.ru

ПРОМЫСЛОВЫЕ СТАНОВИЩА КАНДАЛАКШСКОГО ПРЕЧИСТЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ НА МУРМАНСКОМ БЕРЕГУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА

В статье рассматривается проблема участия Кандалакшского Пречистенского монастыря (Кольский уезд) в промысле рыбы на Мурманском берегу Баренцева моря в XVI – XVIII веках. Выявлено, что Кандалакшский монастырь на рубеже XVI–XVII веков выступал самым крупным владельцем среди монастырей Поморья, промысловых становищ на Мурманском берегу. Попытка власти провести секуляризацию церковного имущества стала одной из причин упадка монастырского рыбного промысла на Мурмане в первой трети XVIII века.

Ключевые слова: Мурманский берег, становища, промысел, покрут, монастырь, Кольский острог, Кандалакшский монастырь

Возникший в 40–60-е годы XVI века мурманский рыбный промысел ежегодно привлекал к побережью Баренцева моря тысячи промышленников из разных частей Кольского Севера и Поморья. Сюда же устремились и монастыри, получавшие немалую выгоду от торговли рыбой (преимущественно треской) и морским зверем на рынках Севера Московского государства. Одним из первых в этот богатый рыбой прибрежный район Кольского полуострова пришел Николо-Корельский монастырь, который уже в 1550-е годы нанимал здесь покручеников-поморов для участия в промысле трески [23; 148].

Позже здесь стали обзаводиться своими промысловыми становищами и монастыри, возникшие на Кольском Севере в XVI веке, – Троицкий Печенгский и Кандалакшский Пречистенский.

Как уже отмечалось в специальных исследованиях, одними из первых Мурманский берег стали осваивать выходцы из Кандалакшской волости, давшие в том числе и начало новому поселению на слиянии рек Кола и Тулома – волости Коле (после строительства укреплений в 1583–1584 годах – Кольский острог) [25; 10], [24; 78]. Вслед за кандалакшскими крестьянами на Мурманский берег пришли и монахи местного монастыря.

Подробное описание промысловых становищ Мурманского берега содержится в писцовой книге Кольского уезда 1608–1611 годов Алая Михалкова. Мурманский берег составлял протяженную прибрежную полосу Баренцева моря, тянущуюся от Варангер-фьорда на западе до м. Святой Нос на востоке. Территориально Мурманский берег делился на две части – Мурманский конец (тянулся к западу от Кольского залива до Варангер-фьорда) и Русский конец (тянулся к востоку от Кольского залива вплоть до р. Йоканьги) [14; 65]. Здесь, на обоих концах Мурманского берега, возникали промысловые становища – комплексы жилых и хозяйственных построек, на которые каждую весну съезжались промышленники из разных

частей Поморья. В их числе были и представители Кандалакшского монастыря.

По данным писцовой книги Алая Михалкова, на западном и восточном побережьях Баренцева моря действовали 50 становищ (21 – на Мурманском конце, 29 – на Русском конце Мурманского берега) [15; 28–29]. Выходцы из Кандалакши (крестьяне и пречистенские старцы), согласно писцовой книге, вели промысел на 10 из 21 становища Мурманского конца [15; 29]¹.

Каждое становище включало в себя целый комплекс жилых и хозяйственных построек, служивших местом проживания, хранения промысловых снастей и судов, а также обработки (сушка и соленье) добытой во время промысла рыбной продукции промышленникам-поморам. Более поздние источники (конца XVII – середины XVIII века) позволяют нагляднее представить эти жилищно-хозяйственные комплексы, строившиеся поморами на всем протяжении северной и полярной полосы России (Мурман, Шпицберген и Приполярная Сибирь). Так, в описи промыслов Холмогорского архиерейского дома на Мурманском берегу, составленной в июне 1704 года, содержится подробнейшее описание двух становищ – Веселкиной губы и Поршнихи, куда каждую весну и лето направлялись промышленники, добывавшие рыбу для потребностей холмогорского владыки [13]. Становище Веселкина губа включало в себя избу с сенями и поварней (к поварне также примыкали сени), 2 амбара, сарай и скию. Здесь же, на становище, находились и 5 промышленных судов (по всей видимости, карбасов) [13; 136].

Становищу архиерейского дома ничуть не уступало по количеству хозяйственных построек и становище Крестного Онежского монастыря, также одного из регулярных «участников» мурманского рыбного промысла с середины XVII столетия. Монастырю здесь принадлежало становище Гаврилово. Так, из «караульной роспи-

си» имущества становища, составленной в августе 1753 года и представляющей собой подробное описание становища и хранящихся здесь промысловых запасов и непортящихся продуктов, переданных под караул лопарям Воронежского погоста до начала промыслового сезона, можно получить представление о количестве жилых и хозяйственных построек Гаврилова. На становище, как следует из «рописи», находилась жилая изба («стан») с примыкавшими к ней сенями и поварней, рядом со станом был амбар, где хранились хлеб и промысловые снасти. Здесь же стояли келья (для «приказного» старца), баня, сушильня (место для просушки рыболовных снастей) и 3 амбара [11; 18–18 об.].

Данные письменных источников, которые могут быть увеличены, подкрепляются и материалами археологических изысканий. Несмотря на то что на побережье Баренцева моря еще не проводились планомерные и масштабные археологические исследования, позволяющие получить «материальное» представление о мурманских становищах XVI–XVIII веков, существующие в науке пробелы могут быть восполнены сравнительными данными. Аналогичные мурманским становищам жилые и хозяйственные постройки строились в тот же период русскими поморами (в том числе и выходцами с Кольского Севера) на Шпицбергене (русский «Груммант»). Как показывают археологические изыскания последних лет, поморские становища на Шпицбергене включали жилые постройки (наиболее распространенными были двухчастные – жилая изба и сени), построенные без фундамента и имевшие внутри помещения каменную или кирпичную печь. К промысловым избам примыкали, порой соединяясь друг с другом с помощью сеней, хозяйственные строения (амбары и т. п.) и бани. В банях стояли большие печи-каменки [22; 63–64, 71, 81–82].

Таким образом, становища имели достаточно удобную жилую и хозяйственную структуру, приспособленную к нуждам ведения промысла в суровых условиях Крайнего Севера.

Представив общую характеристику промысловых становищ Мурманского берега, обратимся к непосредственной теме нашего исследования.

Если опираться только на сведения писцовой книги Алая Михалкова, то можно прийти к заключению, что промысловые строения пречистенских старцев находились исключительно на западном берегу Мурманского берега: в становищах Кегор, Лавышево и Лок-наволоке [9; 427]. Все три становища локализованы на территории полуострова Рыбачий [15; 28].

В первом из названных становищ кандалакшские монахи не являлись полными собственниками промысловых построек, а выступали в качестве совладельцев. На становище Лавышево монахам принадлежала лишь ¼ хозяйственных и жилых построек. Совладельцами старцев выступали посадский человек Кольского острога Конан Ребуев (ему принадлежала ½

строений) и стрелец того же острога Иван (владевший ¼ частью становища) [9; 427]. На этом же становище монастырь имел еще одно строение (изба и ския²), которое полностью ему принадлежало [9; 427].

Уже в середине XVII века пречистенскими старцами была приобретена еще одна часть хозяйственных построек на становище Лавышево. В период между 1657/58 и 1659/60 годами (точная датировка вклада источником не поясняется) кольским стрельцом Назаром Антоновым сыном была передана 1/3 часть хозяйственных построек становища [1; 207]. От этого же вкладчика в монастырь поступила и какая-то часть становища Куванды (о чем ниже). В связи с этим нельзя не отметить, что оба вклада были получены кандалакшским старцем Иваном, известным по другим источникам этого периода как приказчик Кольской монастырской службы.

На втором становище, Лок-наволоке, совладельцем хозяйственных построек выступал уже не весь Пречистенский монастырь, а только один его старец – Иосиф. Этот монах также не был единоличным владельцем построек, а распределялся ими совместно с неким Бориской Малым [9; 427]. Выскажем предположение, которое, к сожалению, невозможно проверить источниками, что Иосиф в данном случае владел частью недвижимого имущества не столько как представитель монастырской корпорации, сколько как частное лицо.

Вопрос о времени приобретения кандалакшскими старцами становищ на западном берегу Мурманского берега может быть разрешен при обращении к записям вкладной книги монастыря.

Так, в августе 1592 года в качестве вклада в монастырь передал свой «живот» Федор Валчак. Значительную часть вклада составляли орудия промысла и недвижимость – «полизбы да 2 ские» в Лок-наволоке, а также «в остроге чулан в Кольском» [1; 34 об.]. В том же становище располагались хозяйственные постройки еще одного монастырского вкладчика – Ильи Анкудинова. Свой вклад, состоявший из «пол-избы, да полсеней, да полвежи» на становище Лок-наволоке, Илья передал в Пречистенскую обитель в 1592 году [1; 39 об.].

Напомним, что писцовая книга на становище Лок-наволоке фиксирует лишь одну хозяйственную постройку, принадлежавшую монастырю, да и то не целиком, а как совладение с промышленником Бориской Малым. Возможно, в промежутке между 1592 и 1608 годами (временем писцового описания Мурманского берега) монастырь уже успел продать эти постройки каким-то другим промышленникам.

В числе промысловых построек, полученных Кандалакшским монастырем в качестве вклада в конце XVI века, были и хозяйственные строения в становище Лазарево. Так, в 1590 году (позднее августа) Матфей Иванов сын передал в качестве вклада треть избы в Лазаревом становище [1;

27 об.]. Спустя два года (17 августа 1592 года) им же была передана, видимо, оставшаяся треть избы в том же становище вместе с судовыми и рыболовными снастями [1; 34]. Надо отметить, что писцовая книга Алая Михалкова уже не фиксирует промысловых построек кандалакшских старцев в становище Лазарево. Среди владельцев одной избы, располагавшейся на этом становище, книга называет некоего Ваську Бородину и кандалакшанина Федьку Новодеревенского [9; 427]. Последний известен как монастырский вкладчик. Зная это обстоятельство, можно высказать предположение, что принадлежащая Федору Новодеревенскому часть промысловой избы была приобретена им у Пречистенского монастыря после 1592 года.

Писцовая книга Алая Михалкова знает и владения монастыря на становище Кегор (изба и ския) [9; 428], являвшимся в XVI–XVII веках центром международной торговли на Крайнем Севере Московского государства [24; 76–77], [15; 88–89]. К сожалению, такой источник, как вкладная книга, не позволяет прояснить обстоятельства и время приобретения части этого становища Кандалакшским монастырем.

Вкладная книга дает возможность выявить и другие становища побережья Мурман, на которых владельцами жилых и хозяйственных построек также выступали кандалакшские старцы.

В августе 1592 года пол-избы в становище Гридино передал в монастырь Юрий Карпов сын Керечанинов [1; 35 об.]. Спустя почти 15 лет, по данным писцовой книги Алая Михалкова, здесь уже не было построек, которыми бы владели кандалакшские старцы. Но при этом на становище промышляли 9 крестьян из Кандалакшской волости [9; 427].

Еще одним приобретением на западе Мурман, в становище Май-наволоки, стали изба, ския, вежа с елуями и полкухами³, полученными монастырем в качестве вклада 1 апреля 1601 года от корелянина Г. М. Пукалова. Помимо названных промысловых построек им же была передана в монастырь вкладом треть амбара в Кольском остроге [1; 61 об.].

В связи с последним случаем нельзя не отметить следующего: писцовой книге 1608–1611 годов известны два становища с наименованием «Май-наволоки» – «меньшой» и «большой» [9; 428]. Эти становища располагались рядом. Запись о вкладе поясняет, что жилые и хозяйственные постройки были переданы монастырю Г. М. Пукаловым именно на «меньшом становище» Май-наволоки. К моменту проведения переписи А. Михалковым в 1608 году на «меньшом» Май-наволоке не было ни одного промышленника. По этой причине московскому писцу было «распрошаты некого» о том, кто выступал собственником жилых и хозяйственных строений на становище в прежние годы [9; 428].

Вкладом в монастырь передал половину своих промысловых построек и кандалакшский кре-

стьянин Андрей Павлов сын Чумак. Первоначально, в июне 1610 года, он в качестве вклада дал судно с рыболовной снастью, а спустя год, в 1611 году, уступил монастырю и «пол-избы в Лок-наволоки» [1; 84 об.]. По данным писцовой книги, Андрей Чумак еще числился среди промышленников Лок-наволоки, на котором он владел избой и скийей совместно с другим крестьянином Кандалакши Бахты Микулиным сыном Тупиковым [9; 427]. Очевидно, что вклад поступил в монастырь уже после того, как было завершено описание Кольского острога и промысловых становищ Мурманского берега в 1608 году.

Одно из наиболее поздних приобретений, зафиксированных вкладной книгой на Мурманском берегу, на становище Лок-наволоки, было сделано в 1635 году. На этот раз в качестве вкладчика выступил один из старцев самой Пречистенской обители монах Иона Широкий, передавший родному монастырю незначительную (в сравнении с предшествующими вкладами) часть своих прав на распоряжение промысловыми постройками. Вкладная запись определяет их как «в-ызбе шестая доля» [1; 148 об.–149].

Возможно, в период после составления писцового описания Алая Михалкова Кандалакшский монастырь приобрел полностью либо частично становище Куванцы, также находившееся в районе полуострова Рыбачий. О кратком периоде распоряжения названным становищем Кандалакшским монастырем сообщает указная грамота царя Михаила Федоровича (от 8 августа 1629 года), предписывающая кандалакшским старцам вывезти со становища «избы» и воспрещающая производить на нем лов рыбы. До настоящего времени этот документ, по всей видимости, не сохранился. О грамоте сообщает одна из поздних описей имущества и документации Троицкого Печенгского монастыря, составленная в 1757 году [16; 698]. В конце XIX века с этим документом был знаком церковный историк о. Никодим (Кононов), оставивший его краткое описание в одной из глав своей работы, посвященной истории Трифонова Печенгского монастыря, где содержался перечень документов монастырского архива [18; 18–23]. Монастырский архив был восстановлен в конце XIX века благодаря активной просветительской деятельности настоятеля Печенгского монастыря (возрожденного в 1886 году) игумена Ионафана.

В кратком описании царской грамоты, составленной о. Никодимом (Кононовым), содержится одна немаловажная деталь, не отразившаяся в описи монастырского имущества 1757 года, – дело по спорному вопросу между Кандалакшским и Печенгским монастырями рассматривалось кольским воеводой Григорием Зловидовым [18; 21].

О каком именно становище Куванцы идет речь, со всей определенностью сказать трудно. Дело в том, что, согласно писцовой книге 1608–1611 годов, на западном берегу Мурман было

три становища с одноименным названием – Лопские Куванцы, Средние Куванцы и Третьи Куванцы [9; 426]. Несмотря на это, мы полагаем, что писцовое описание Мурмана и несохранившаяся грамота 1629 года содержат определенные географические ориентиры, которые могут позволить локализовать становище. Так, согласно писцовой книге, на становище Лопские Куванцы промышляли «печенские крещенные лопари» [9; 426]. В царской грамоте 1629 года указывалось на то, что кандалакшские монахи должны были вывезти свое имущество, в том числе из Мотовской губы [16; 628]. Таким образом, спорным для двух «местных» монастырей Кольского уезда стало именно становище Лопские Куванцы.

Как бы то ни было, в период между 1657/58 – 1659/60 годами уже упомянутый ранее кольский стрелец Назар Антонов сын помимо 1/3 становища Лавышево передал монастырю и какую-то часть становища Куванцы [1; 207]. Правда, на этот раз уже невозможно точно сказать, о каком именно становище идет речь. Одно, как кажется, не должно вызывать сомнений: этим становищем не могли быть Лопские Куванцы, чьим собственником выступал Печенгский монастырь.

Помимо становищ на западном берегу Мурмана, у Кандалакшского монастыря были немногочисленные хозяйственные постройки на восточном побережье Баренцева моря. В писцовой книге Алая Михалкова нет никаких упоминаний об этих становищах. Единственным источником, из которого известно об их существовании, остается вкладная книга монастыря. Так, в 1598/99 году в качестве вклада в монастырь сумлянин Иван Емельянов сын передал избу в становище Опасово [1; 52]. По данным писцовой книги 1608–1611 годов, здесь находилось 5 хозяйственных построек (изб и ский), одна из которых принадлежала Печенгскому монастырю [9; 429].

В апреле 1601 года избу в становище Карпово вкладом монастырю передал корелянин Г. М. Пукалов [1; 61 об.]. Напомним, что от этого же вкладчика пречистенские старцы получили и долю хозяйственных построек в становище Майнаволоок. Становище Карпово относится к одному из наиболее мелких становищ Мурманского берега. Писцовая книга Алая Михалкова фиксирует здесь только одну хозяйственную постройку, принадлежавшую двинянину Васьеке Аврамову [1; 430].

Таким образом, верхняя хронологическая планка, отмечающая начало приобретения монастырем хозяйственных построек на становищах Мурмана, относится к осени 1590 года, а нижняя приходится на период между 1657/58 – 1659/60 годами. Если исходить из предположения, что ранее 1590 года монастырь на Мурманском побережье не располагал собственными хозяйственными постройками (источников, подтверждающих обратное, в нашем распоряжении нет), то начало участия Пречистенской обители в освоении рыбного промысла Мурмана относится

уже к тому времени, когда последний активно действовал и развивался.

Хозяйственная деятельность монастыря на Мурманском берегу во многом обеспечивалась монастырской службой в Кольском остроге. Не останавливаясь специально на этом вопросе, отметим, что первые признаки регулярного присутствия кандалакшских монахов в Коле могут быть отнесены к рубежу 70–80-х годов XVI века⁴.

Напомним, что к моменту окончания писцового описания западного побережья Мурмана монастырь в качестве совладельца располагал правами на промысловые постройки в трех становищах – Лок-наволоке, Лавышеве и Кегоре. Полученные Пречистенской обителью в качестве вкладов права на распоряжение промысловыми постройками в других становищах (Гридино, Лазарево, Май-наволоок) еще до 1608 года оказались утраченными. Причин, толкнувших монастырь к продаже этих хозяйственных строений другим промышленникам (возможно, кандалакшанам), мы не знаем. Не знаем, к сожалению, мы и того, какие из промысловых строений на Мурманском берегу сохранились за монастырем на протяжении всего XVII века, а какие были приобретены вновь или же проданы на сторону. Отсутствие специальных описаний Мурманского берега за вторую четверть и вторую половину XVII века (переписные книги Кольского уезда не фиксировали промысловые становища по той причине, что они не являлись местами постоянного проживания) препятствует исследованию проблемы развития монастырских рыбных промыслов на Мурманском берегу в период после Смуты.

Тем не менее ряд поздних источников, на анализе которых мы остановимся далее, указывает на то, что в начале, а также во второй четверти XVIII века на становищах Лок-наволоок и Лавышево монастырь по-прежнему продолжал вести хозяйственную деятельность.

Серьезным испытанием для мурманских становищ монастыря стала эпоха петровских преобразований. Известно, что в 1704 году морские промыслы двух местных монастырей Кольского уезда передаются на откуп промышленникам. Особую роль в деле прекращения хозяйственной деятельности кольских монастырей на Мурмане сыграл архиерейский сын боярский М. И. Окулов, обративший внимание власти на неэффективность ведения промыслов местными духовными организациями и желательность их передачи в казну. Царская грамота от 12 марта 1704 года так объясняла потребность передачи промыслов Кандалакшского монастыря откупщикам: «...братства-де в том монастыре всего десять человек престарелых; а теми-де их промыслами опромышляют при том монастыре стоящие волостные крестьяне и всякую корысть получают себе, а в нашу-де великого государя казну с тех промыслов ничего не платят...» [12; 125–126]⁵. Распоряжение Петра I имело для мо-

настырского хозяйства губительные последствия: более чем на десятилетие кандалакшские монахи остались без части угодий как в Кандалакшской волости, так и на Мурманском берегу. Только в 1720 году распоряжением Коммерц-коллегии монастырь получил право вернуть свои угодья обратно (см. ниже).

Мурманские станы, промысловое имущество Кандалакшского монастыря в 1704 году были описаны и изъяты в казну. Составлением этой описи занимался упомянутый ранее архиерейский сын боярский Михаил Окулов. Данная опись («ропись») сохранилась в материалах дела по челобитной игумена Павла Колянина, рассматривавшегося в Коммерц-коллегии в апреле 1720 года [10]⁶. «Ропись» включает в себя сведения о предметах промысла, а также о хозяйственных и жилых строениях, необходимых для ведения промысла стоявших в Кольском остроге и в становищах Мурманского берега [10; 5–8 об.].

Особенность хозяйственной деятельности Кандалакшского монастыря на Мурмане, как можно судить об этом по «рописи», заключалась в том, что в качестве основной базы хранения промысловых «запасов» и содержания рыболовных судов использовались не сами станы на Мурмане, как это было в случае с другими участниками промысла из числа духовных феодалов, а монастырское подворье в Коле. Так, по «рописи», здесь монастырь держал семь промышленных судов «со всею деревянною снастью: с веслами со стырями, и со пундами и с тягами железными» [10; 5]. В качестве основного места хранения промысловых снастей использовались два амбара «о дву житях»⁷. Помимо этого, одна из хозяйственных построек – «большой сарай» – сдавался монастырем в аренду «государевым промышленникам» для засола рыбы. Как следует из показаний приказчика Кольской службы монастыря старца Питирима, амбар сдавался в аренду («кортому») к моменту составления «рописи» уже 15 лет. Сумма «кортомы» составляла 3 руб. в год. Деньги так и не были выплачены монастырю, а общая сумма задолженности составила к 1704 году 45 руб. [10; 8 об.].

На Мурманском берегу монастырю в это время принадлежали два становища – Лавышево и Лок-наволоок. Первое становище включало в себя два стана «с сеньми, и с поварнями, и сальными погребями, и с сараями, и с тесовыми клетками». Здесь же были поставлены елуи и палкухи, предназначенные для просушки рыбы [10; 8].

Второе становище – Лок-наволоок – было оборудовано значительно лучше. Так, помимо двух жилых станов, здесь стояли два «анбара больших» с хранящейся в них «деревянною сальною и рыбною посудой» [10; 8 об.]. В становище стояла и келья «теплая» с сеньями. Последнее указывает на то, что именно становище Лок-наволоок использовалось в качестве основного местопребывания приказными старцами, ведавшими организацией промысла на Мурмане.

Общая стоимость промыслового имущества, включая строения в Коле и на Мурманском берегу, в 1704 году при составлении «рописи» была оценена в 925 руб. 19 алт. 5 ден. [10; 8 об.].

Деньги за изъятое имущество, согласно игумену Павлу, монастырю так и не были выплачены. Понесенные убытки игумен хотел возместить за счет восстановления выплаты руги монастырю, которую обитель перестала получать из таможенных и кабацких доходов Кольского острога с 1689 года [10; 3 об.–4]. И это даже несмотря на то, что именно тогда монастырю была выдана ружная жалованная грамота от 20 января 1585 года, подтверждавшая более раннюю грамоту, дарованную еще Федором Ивановичем.

Изменения, произошедшие в промысловом хозяйстве монастыря на Мурмане после изъятия у монастыря предметов промысла и хозяйственных строений на побережье Баренцева моря, не заставили себя долго ждать. Монастырь по-прежнему сохранил за собой двор в Коле, но организовывать полноценные выезды на прибрежный промысел уже не мог. Экономических возможностей Пречистенского монастыря в начале 1720-х годов хватало только на то, чтобы отправлять на Мурманский промысел один карбас. Вырученные от продажи рыбы (трески и палтуса) деньги, по словам кандалакшского игумена Павла Колянина, шли на покупку «хлебных запасов» в Архангельске [7; 1 об.].

Упадок хозяйства на Мурмане в немалой степени был связан и с нерадивостью монастырского руководства. Приход к власти игумена Павла Колянина способствовал частичному возобновлению активной промысловой деятельности Кандалакшского монастыря на Мурманском берегу.

Нами уже отмечалось, что источники более позднего времени содержат достаточно мало данных о мурманском промысле монастыря [19; 140–141]. Но не так давно удалось выявить новые свидетельства присутствия Кандалакшского монастыря на мурманском берегу в первой трети XVIII века.

Так, нами были обнаружены два списка описи монастырского имущества, составленной в 1710 году игуменом Павлом Коляниным [2], [5]. Второй, видимо, более поздний список содержит продолжение к основному тексту, куда включены сведения о приобретенных игуменом Павлом предметах церковного и хозяйственного имущества. Так, в январе 1713 года в Кольском остроге для морского промысла была приобретена шнякка стоимостью 5 руб. [2; 20 об.]. В 1714 и в 1715 годах были куплены в Коле еще две шнякки «для Мурманского промысла» [2; 20–21 об.].

Некоторые черты повседневной жизни на становищах Мурманского промысла Кандалакшского монастыря проступают и в двух челобитных, составленных наместником иеромонахом Пахомием и поданных на рассмотрение Холмогорскому архиепископу Варнаве в 1728 году и Герману в 1732 году [3].

Итак, согласно первому документу, в промысловый сезон 1728 года монастырь понес серьезные материальные потери со стороны как приезжих промышленников, так и собственных наемных работников. Тогда, по словам наместника, крестьяне Соловецкого монастыря (выходцы из Сумского посада), возглавлял которых Павел Черемной, разбили «анбарные кровли и двери повозили с собою, а иное прижгли нагло» [3; 1]. Это произошло на становище Лавышево (в источнике – Лаушево), где монастырь держал хозяйственные и жилые постройки. Свидетелями этих бесчинств, по признанию иеромонаха Пахомия, выступали крестьяне Кандалакшской волости, промышленявшие на монастырь там же⁸.

В тот же сезон монастырь столкнулся с новой неприятностью. Нанятые обителью на монастырскую ладью промышленники из числа крестьян Кандалакши⁹, получив «наемные деньги» за промысел и необходимые съестные припасы, по словам наместника, судно «на Мурманское не провадили», в то время как сами «неведомо где ходили, хлеб и припасы все издержали» [3; 1 об.]. Этими же промышленниками была наполовину растратчена и отпущенная для промысла соль. Учиненный промышленниками срыв промыслового сезона поставил монастырь на грань финансового кризиса, поскольку в тот год, по словам иеромонаха Пахомия, обитель должна была вернуть архангелогородцу Гавриле Попову взятые в займы в 1727 году деньги на покупку хлеба [3; 1 об.].

24 сентября 1728 года в Архангельске был допрошен соловецкий крестьянин Павел Черемной, обвиняемый кандалакшским наместником Пахომием. В своих показаниях крестьянин свидетельствовал о том, что весной 1728 года промыслял рыбу на сойме кандалакшского крестьянина Якова Падурникова в районе становища Опасово, а летом – на судне сумлянина Василия Махилева в районе становища Лавышево [3; 2–2 об.]¹⁰. На последнем становище, как показывал обвиняемый, он жил в избе кандалакшского крестьянина Левина (его имя Павел Черемной не помнил). Рядом с избой, по свидетельству П. Черемного, стоял стан Кандалакшского монастыря, но сам обвиняемый «монастырского стана не розсекал, и анбарных кровлей и дверей не возил, и не имал, и ничего не жег» [3; 2 об.]. Крестьянин ссылался на свидетельства кандалакшских крестьян, работавших в тот сезон на монастырском промысле [3; 2 об.].

Позже показания дал еще один участник промысла, ставший очевидцем тех событий. Этим свидетелем выступил кандалакшский крестьянин Иван Ржаников, упоминавшийся в прошении наместника Пахомия. И. Ржаников так описывал происходящее на монастырском становище: промышленник Сергей («а чей сын и прозвания не знает») снял доски с кровли, унес дверь с амбара и «разбил» поварню. Украденное

имущество было использовано для нужд амбара промышленника Алексея Голодного [3; 3].

Спустя 3 года после этих событий случилось еще одно происшествие, также нанесшее ущерб монастырскому промыслу на Мурмане. В своей новой челобитной уже знакомый нам наместник Пахомий жаловался архиерею на иеромонаха Печенгского монастыря Иосифа, который летом 1731 года в Кольском остроге взял на время «промышленное судно» (ладью) Кандалакшского монастыря и отправился на нем в Архангельск [4; 1]. Здесь, в губернской столице, ушлый иеромонах продал чужое судно, а деньги присвоил себе. Лишившись ладьи, по словам челобитчика, «рыбной промысел остановился, и в монастыре чинится великое оскудение» [4; 1–1 об.]. Челобитная содержала и другие обвинения, связанные с незаконным присвоением и удержанием церковных предметов Кандалакшского монастыря печенгским иеромонахом¹¹.

Таким образом, несмотря на изъятие предметов промысла и конфискацию станов, с начала 1720-х годов Кандалакшский монастырь вновь смог восстановить ведение промысла на Мурмане. Не исключено, что в качестве промысловой базы использовалось не только становище Лавышево, упомянутое в челобитной наместника Пахомия, но и Лок-наволоок, известный в качестве монастырского стана по «росписи» 1704 года.

Подводя итог, отметим, что даже не имея в своем распоряжении комплекса хозяйственной документации мурманского промысла Кандалакшского монастыря и используя для его характеристики разрозненные и отрывочные данные разнородных источников, можно сделать некоторые выводы. В начале XVII века монастырь выступал одним из самых крупных владельцев станов (полностью и частично) на Мурманском берегу. И это даже несмотря на то, что станы восточного побережья Мурмана к началу составления писцовой книги Алая Михалкова уже были утрачены монастырем.

Ко времени изъятия у монастыря станов и промыслового имущества в 1704 году монастырь располагал двумя станами на полуострове Рыбачьем. В сравнении с другими духовными корпорациями Поморья, также действовавшими на Мурманском берегу, хозяйственный потенциал местного монастыря ничуть не уступал пришлым обителям, поскольку «пришлые» монастыри располагали на побережье 1–2 станами, чье устройство мало чем отличалось от устройства станов Кандалакшского монастыря.

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (тематический план № 1.3.10) и Российского гуманитарного научного фонда (проект № 10-01-43101а/С).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В процентном соотношении кандалакшанам, по подсчетам И. Ф. Ушакова, принадлежало 15 % мест на становищах Мурмана [24; 68, прим. 1].
- ² Ския (скея) – амбар для хранения трески и другой рыбы [20; 157].
- ³ Елуи – приспособления для сушки на открытом воздухе соленой рыбы и рыболовных снастей, состоящие из столбов с поперечными жердями; палкуха (палтуха) – жердь, на которой сушат рыбу и рыболовные снасти [17; 43, 107].
- ⁴ Именно для этого времени вкладная книга монастыря фиксирует вклады, которые можно связать с промысловой деятельностью кандалакшских старцев на Мурманском берегу. Так, в 1583/84 году один из вкладчиков – Семен Ус передал монастырю «судно удобное на Мурманском (море. – С. Н.) да и с парус[ом] и со всею снастью» [1; 11 об.]. Тогда же некий Миня «сам промышлял весну на Мурманском». Последнее подразумевало участие вкладчика в работах на монастырь [1; 11].
- ⁵ Представленные в царской грамоте сведения о монашеской братии Пречистенской обители не во всем точны. Так, согласно описи монастырского имущества, составленной в декабре 1705 года кандалакшским строителем Пахомием, в монастыре жили 8 монахов [6; 17].
- ⁶ Краткие сведения об этом деле без упоминания о «росписи» промыслового имущества опубликованы в «Описании документов и дел архива святейшего Синода» [8; стлб. 56].
- ⁷ Житя (житница) – помещение, предназначенное для хранения чего-либо [21; 205].
- ⁸ Среди названных наместником кандалакшских крестьян были следующие: Алексей Чамовых, Савва Денисов, Петр Полежаев и Иван Ржаников [3; 1].
- ⁹ Наместник называет следующих крестьян Кандалакши, участвовавших в промысле на Мурмане: Иван Лукоянов (кормщик), Федор Шишмолин, Филипп Кялмин «с товарищи» [3; 1 об.]. В лице «товарищей», которых наместник монастыря не называет поименно, как следует думать, выступали те крестьяне (см. предыдущее примечание), которые видели разорение становища и упомянуты как в прошении иеромонаха Пахомия, так и в показаниях жителя Сумского посада Павла Черемного. Таким образом, промышленная артель Кандалакшского монастыря в 1728 году включала в себя 7 человек.
- ¹⁰ Любопытно, что в показаниях Павла Черемного название становища Лаушево звучит несколько искаженно и, видимо, передает распространенное произношение этого топонима в среде промышленников берега Поморья, откуда и происходил сам обвиняемый. Становище промышленник называет то Лабажево, то Лабажова, поясняя при этом, что «в челобитье (наместника Пахомия. – С. Н.)... написано Лаушево, и про то он становище не знает, толко он и протчие промышленники называют Лабажево» [3; 2 об.].
- ¹¹ Так, согласно наместнику Пахомию, иеромонах Иосиф, будучи еще в сане дьякона, взял в Кандалакшском монастыре церковные сосуды («жалованные императорского величества») и стихарь. Изъятие церковных вещей производилось со ссылкой на некий «приказ» архиерейской казны, который не был предъявлен в письменном виде, и с целью восполнить утраты Печенгского монастыря в церковном имуществе, понесенные в результате пожара. Впоследствии церковные сосуды были заложены «купецкому человеку» из Каргополя Поликарпу Негодяеву, у которого их пришлось выкупать кандалакшскому наместнику. Судьба же стихаря и «промышленного судна» для иеромонаха Пахомия так и осталась неизвестной [4; 1–1 об.].

ИСТОЧНИКИ

1. Вкладная книга Кандалакшского Пречистенского монастыря // Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 900.
2. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 31. Оп. 3. Д. 228.
3. ГААО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 1765.
4. ГААО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 1979.
5. ГААО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 2168.
6. ГААО. Ф. 1025. Оп. 3. Д. 27.
7. ГААО. Ф. 1025. Оп. 5. Д. 442.
8. Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. СПб., 1868. Т. I. № 82/21.
9. Писцовая книга 1608–1611 гг.
10. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 1. Д. 81.
11. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1195. Оп. 4. Д. 201.
12. Сборник материалов по истории Кольского полуострова XVI–XVII вв. (СМИКП). Л., 1930. № 74.
13. СМПКП. Л., 1930. № 76.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

14. Барбашева З. И. Некоторые итоги изучения природы резистентности организма и механизмов ее изменения // Географический словарь Кольского полуострова. Л., 1939. Т. I. 144 с.
15. Державин В. Л. Северный Мурман в XVI–XVII вв. (К истории русско-европейских связей на Кольском полуострове). М.: Научный мир, 2006. 144 с.
16. К истории Трифоно-Печенгского монастыря // Архангельские епархиальные ведомости. 1896. 30 декабря. № 24.
17. Меркурьев И. С. Живая речь Кольских поморов. Мурманск: Кн. изд-во, 1979. 124 с.
18. Никодим (Кононов), иером. Преподобный Трифон, просветитель лопарей, Печенгский чудотворец, и церковно-историческое значение основанной им обители. СПб., 1898.
19. Никонов С. А. Хозяйственное устройство и промысловая деятельность Кандалакшского монастыря в XVI – первой четверти XVIII вв. // Ученые записки Мурманского государственного педагогического университета. Сер. «История». 2009. Вып. 9.
20. Подвысоцкий А. Словарь областного Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1885. 197 с.
21. Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. Вып. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 320 с.
22. Старков В. Ф., Державин В. Л., Захаров В. Г. Материальная культура русских поморов по данным исследований на архипелаге Шпицберген. Вып. III. Жилищно-хозяйственные комплексы. М.: Научный мир, 2007. 152 с.
23. Ушаков И. Ф. История Кольского Севера с древнейших времен до 1917 года: Дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1978.
24. Ушаков И. Ф. Кольская земля // Ушаков И. Ф. Избранные произведения. Мурманск, 1998. Т. I.
25. Ушаков И. Ф., Дащинский С. Н. Кола. Мурманск: Кн. изд-во, 1983. 192 с.